

О. И. Сенковский – журналист эпохи романтизма

Журналистика, хоть сколько-то напоминающая современную нам, выступила на сцену еще при жизни императора Александра I. Русская мысль того времени склонялась к оптимизму, к жизнерадостному настроению и полному примирению с окружающим. Литература с подчеркнутым постоянством проводила эту точку зрения на жизнь, во имя которой работал и А. С. Пушкин. Поэты творили прежде всего для самих себя и охотно признавались, что искание славы, то есть влияния на современников, есть слабость человеческая, достойная порицания. Так думали и Пушкин, и Жуковский, так думали и те, кто группировался вокруг них. Знаменитая формула «искусство для искусства» не могла даже встретить какого-нибудь возражения, она была одной из аксиом, одной из заповедей времени.

Очевидно, что журналистика, приняв на себя отчасти в силу необходимости, отчасти – по доброму желанию своих вожаков роль посредника между читателями, с одной стороны, и художественной литературой и наукой – с другой, должна была выработать универсальное направление и развивать по возможности литературную критику как таковую. И критика, в плане успеха и влияния журнала, начинает становиться едва ли не важнее самих произведений.

Один из видных, но в настоящее время, к сожалению, незаслуженно подзабытый литератор первой половины XIX века О. И. Сенковский, возглавлявший журнал «Библиотека для чтения», выдвинул принцип так называемой вкусовой критики, считая ее «картиною личных ощущений», где и объединил писателей эпохи романтизма. Он сравнивал Пушкина с Тимофеевым, Кукольника объявил русским Гете, «Героя нашего времени» Лермонтова назвал неудавшимся опытом юного писателя, «Мертвые души» Гоголя приравнял к романам Поля де Кока.

Журнал «Библиотека для чтения», оставляя в стороне полемику и антикритику, в первую очередь обещал быть интересным и разнообразным. Предполагался, по-видимому, ежемесячный альманах, в котором каждый мог бы найти все, что ему по вкусу и по силам разума. Публика отнеслась к этому с полным пониманием. Не случайно, что первая книжка «Библиотеки для чтения» появилась в свет именно в январе 1834 года и произвела большое впечатление.

чатление. Начиная с объема и наружности, все превосходило ожидания. Вместо 20 обещанных листов дано было 40, книга была напечатана в лучшей типографии, на хорошей бумаге, не то что серобумажные журналы того времени, к которым как нельзя более применимы слова лермонтовского читателя эпохи романтизма:

И я скажу – нужна отвага,
Чтобы открыть... хоть ваш журнал (Он мне уж руки обломал):
Во-первых, серая бумага,
Она, быть может, и чиста,
Да как-то страшно без перчаток...
Читаешь – сотни опечаток... [2. Т. 2. С. 279]

В книге фигурировали известные имена: А. Пушкин, В. Жуковский, И. Козлов, Н. Греч, Ф. Булгарин, Н. Полевой, М. Погодин и др. Сам Сенковский для первого номера дал научную статью о скандинавских сагах, остроумную и оригинальную повесть под названием «Вся женская жизнь в нескольких часах», где очень талантливо рассказана судьба какой-то бедной институтки, влюбившейся в шалопая, и критическую статью, бойко опровергавшую все правила всех риторик и пиитик.

Можно смело предположить, что именно с этой поры началась поразительная по объему и разнообразию журнальная деятельность О. И. Сенковского как журналиста эпохи романтизма. Журнал «Библиотека для чтения» он сразу забрал в свои руки и стал единовластно им распоряжаться. Он не жалел себя, своего здоровья, своих сил, был единственным редактором и единственным сотрудником. Полная тревог и волнений, кропотливой и спешной работы жизнь журналиста увлекала его. Он чувствовал, что это истинное его призвание, и всем жертвовал для него.

Кроме Сенковского «Библиотека для чтения» имела еще ответственных перед правительством редакторов, в первый год – известного грамматиста Н. И. Греча, во второй – И. А. Крылова. Но ни тот, ни другой никакого участия в деле не принимали, и о редакторстве последнего «Библиотека для чтения» извещала читателей (в октябре 1835 года) в следующих выражениях: «За кометой мы совсем забыли одно обстоятельство, о котором давно следовало известить наших читателей: еще с мая месяца “Библиотека для чтения” лишилась лестного руководства, которое принял было на

себя знаменитый наш поэт И. А. Крылов. Преклонность лет не дозволила ему продолжать мучительных занятий редактора» [4. С. 7].

Когда Сенковский получил, наконец, разрешение публично объявить себя редактором, а произошло это событие в августе 1836 года, он сделал это в следующей формулировке: «Для отклонения неуместных догадок и толков считаем нужным сказать откровенно, что с самого начала существования этого журнала, как то почти всем известно, настоящим его редактором был всегда сам директор и общий с издателем владелец его, О. И. Сенковский, и что никто в свете, кроме г-на Сенковского, не имел ни малейшего влияния на состав и содержание “Библиотеки для чтения”. Все её недостатки, равно как и все достоинства, если какие были, должны быть приписаны ему одному. Те, которые носили звание редакторов “Библиотеки для чтения”, слишком невинны в ее недостатках, чтобы отвечать за них перед публикой, и слишком благородны, чтобы требовать для себя похвалы за достоинства, в которых они не имели никакого участия. О. И. Сенковский, убедясь двухлетним опытом, что этого рода содействие посторонних редакторов несколько не облегчало его в мучительных трудах директора, по согласию с издателем решился соединить с званием директора “Библиотеки для чтения” звание ее редактора, которого по-настоящему он нес все главные обязанности. Вот и все!» [3. Т. 1. С. 26].

Мы полагаем, что О. И. Сенковский отнюдь не преувеличивал своей роли как журналиста-романтика. «Библиотеку для чтения» он смело мог назвать своим собственным журналом. Как редактор он был положительно неутомим. «У меня, – говорил он впоследствии, – было немало хлопот по журналу; я был и редактором, и сотрудником, и корректором, и подчас переводчиком» [3. Т. 1. С. 26].

Сенковский работал с юношеским жаром, несколько не заботясь о своем здоровье и даже о будущем. Он весь отдавался минуте, вечно сидел у себя в кабинете, зарывшись в книги и рукописи, и отдыхал всего-навсего один или два дня в продолжение месяца. Ни одна статья, ни одна самая крошечная заметка не миновала его рук. Он выбирал статьи для переводов, для чего читал до двадцати иностранных журналов и газет; затем просматривал, изменял, дополнял сделанные переводы; вновь пополнял их в корректурах и при всем том находил время писать собственные статьи для всех отделов журнала: за один лишь первый год существования «Библиотеки для чтения» они составили более 60 печатных листов, или около

1000 страниц. Работа увлекала его, тем более что эта работа сопровождалась огромным успехом. И днем, и ночью он не отрывался от письменного стола, пока не доводил до конца заданного себе труда, и ложился лишь после совершенного утомления или даже изнеможения. Накануне выхода книжки проводил он день и ночь часто в типографии, чтобы быть уверенным в непременно появлении ее первого числа, и затем только успокаивался и позволял себе отдохнуть один или два дня. На третий уже начиналась та же мучительная работа для следующей книжки. Не говоря уже о статьях, назначенных к извлечению из иностранных журналов, и все оригинальные статьи, не подписанные известным в литературе именем, проходили через редакцию Сенковского, то есть получали форму и изложение, усвоенные им для своего журнала.

С сотрудниками Сенковский, честно говоря, не церемонился. В своем журнале он был настоящим деспотом, который свое «*telle est ta volonte*» (такова моя воля) ставил всегда на первый план. Даже повести и рассказы второстепенных писателей подвергались нередко большим изменениям. Не раз случалось, что Сенковский даже не дочитывал рукописей: повесть нравилась ему по сюжету, в голове его рождалась при ее чтении счастливая мысль, — он отди-рал конец рукописи и приписывал свой. Авторы, естественно, обижались и имели на это полное основание. Об иностранных сочинениях нечего и говорить, они всегда представлялись читателю в измененном, исправленном и дополненном виде; выбрав роман или ученое сочинение для перевода на русский язык, Сенковский обыкновенно сокращал его во время самого чтения, вычеркивал растянутые и ненужные места, связывал статью своими приписками и вставками всегда на том же языке, на котором она была написана, и только тогда отдавал ее переводчику. Как утверждал Е. А. Соловьёв, «любопытно было видеть иные статьи в книжках французских и английских журналов все перечеркнутые, с массою приписок, сделанных четкою рукою Сенковского на полях и сверх того иногда на особых вложенных листочках, так что из иностранной статьи не оставалась нетронутой ни одна строка» [4. С. 11]. И таких статей было множество в «Библиотеке для чтения». Все они печатались без подписи и имени, иногда с обозначением двух или трех журналов, из которых были взяты; иногда — если это была повесть или рассказ — с псевдонимом вместо имени. Эти неблагодарные труды редактора были секретом его мастерской, публика о них

не знала и не могла их ценить, хотя все видели единство духа, направления, формы и изложения во всех статьях журнала, как будто все они были написаны одной рукой – что и недалеко от истины.

Словом, с точки зрения трудолюбия и редакторской техники Сенковский заслуживает настоящей похвалы. Но нужна ли была такая гигантская работа и не вредила ли она, в сущности, делу? Правда, много можно говорить и еще более можно спорить о пределах редакторской власти; но, как нам кажется, фанатизм, доведенный в этом случае до крайности, едва ли особенно полезен. Направление – дело редакции, это очевидно; но надевать на сотрудников кандалы, заставляя их маршировать по определенному шаблону, стремиться к полному казарменному однообразию – это значит хватать через край. Никогда никакое самолюбие, тем более самолюбие литературное, не согласится на такую опеку. Настоящий писатель дорожит каждой своей буквой и словом, и слишком деспотическому редактору всегда в конце концов придется окружать себя второ- и третьестепенностями или даже остаться в одиночестве, что и случилось с Сенковским. Авторы истерзанных, сокращенных и совсем переделанных статей оскорблялись, нередко протестовали в газетах и только в случае крайней необходимости возвращались в «Библиотеку для чтения».

В своих оценках Сенковский был искренен, но часто они определялись коммерческими соображениями, были вызваны борьбой с конкурентами за рынок сбыта журнальной продукции. Показательна история отношения О. И. Сенковского к А. С. Пушкину. В 1835–1836 годах Пушкин напечатал в журнале Сенковского «Пиковую даму», «Песни западных славян», «Сказку о рыбаке и рыбке», «Сказку о мертвой царевне и семи богатырях», «Сказку о золотом петушке», «Кирджали», отрывки из «Медного всадника» и из «Истории Пугачёва», несколько стихотворений.

О. И. Сенковский по достоинству оценил новаторство пушкинской прозы. «Вы создаете нечто новое, вы начинаете новую эпоху в литературе, которую уже прославили в другой отрасли, – писал Осип Иванович Пушкину. – Вы положили начало новой прозе, можете в этом не сомневаться» [5. Т. 15. С. 322]. Однако, как только стало известно о том, что Пушкин будет издавать журнал «Современник», Сенковский повел на него наступление как на будущего конкурента. В XX томе «Библиотеки для чтения» за 1837 год, незадолго до смерти Пушкина, Сенковский напечатал без

имени автора повесть М. Н. Загоскина «Московский европеец», являющуюся памфлетом на П. Я. Чаадаева и пародией на роман Пушкина «Евгений Онегин». После смерти Пушкина в XXI томе журнала О. И. Сенковский поместил статью о нем Н. А. Полевого, который выражал скорбь по поводу безвременной кончины «первого поэта славной нашей Русской земли».

Таким образом, подытоживая сказанное, следует отметить, что в Сенковском-журналисте отразился противоречивый характер эпохи романтизма. В подтверждение этой мысли приведём слова А. И. Герцена: «Сенковский был очень остроумным писателем, большим тружеником, но совершенно беспринципным человеком, если только не почесть принципами глубокое презрение к людям и событиям, к убеждениям и теориям. В Сенковском нашел своего подлинного представителя тот духовный склад, который приняло общество с 1825 г., – блестящий, но холодный лоск, презрительная улыбка, нередко скрывающая за собой угрызения совести, жажда наслаждений, усиливаемая неуверенностью каждого в собственной судьбе, насмешливый и все же невеселый материализм, принужденные шутки человека, сидящего за тюремной решеткой. <...> Поднимая на смех все самое святое для человека, Сенковский невольно разрушал в умах идею монархии» [1. Т. 7. С. 221].

Список литературы

1. Герцен А. И. Собрание сочинений: в 30 т. Т. VII. М.: Изд-во АН СССР, 1956. С. 219–221.
2. Лермонтов М. Ю. Журналист, читатель и писатель // Лермонтов М. Ю. Сочинения: в 6 т. Т. 2. М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1954–1957. С. 278–283.
3. Сенковский О. И. Биографический очерк // Сенковский О. И. Полное собрание сочинений. Т. 1. СПб.: Тип. Императорской академии наук, 1858. С. 26.
4. Соловьев Е. А. Осип Сенковский. Его жизнь и литературная деятельность. Биографический очерк. URL: http://az.lib.ru/s/solovvhexewandreewich_e_a/text_004Q.shtml.
5. Пушкин А. С. Письма // Пушкин А. С. Полное собрание сочинений. Т. XV. М.: Воскресение, 1995. С. 322.